

ПУБЛИЦИСТИКА

Т О Ч К А В О З В Р А Т А

"Можно ли сравнить нашу перестройку с самолетом, который поднялся в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная полоса?" — говорил в своем выступлении на XIX партконференции Юрий Бондырев. В авиации существует такое понятие — ТОЧКА ВОЗВРАТА: момент полета, когда горючего в самолете остается либо на возвращение в исходный пункт, либо — на продолжения полета "до упора" в пункт назначения. Пройдена ли "точка возврата" для перестройки, достаточно ли горючего, чтобы можно было опять, как в предшествующую "оттепель", вернуться назад, или ~~шпатель~~ остается лететь только вперед, на свой страх и риск, не зная, готова ли нас принять посадочная полоса в пункте назначения?

Практически, XIX партконференция началась задолго до своего официального открытия. Выборы делегатов стали, пожалуй, ключевым событием, которое неожиданно получило широкий резонанс в обществе, продемонстрировав в очередной раз иллюзорность провозглашаемого единства партии и народа. Структура однопартийной системы такова, что она допускает участие внепартийных масс лишь в очень ограниченном масштабе, в качестве своеобразной "иллюстрации" народной поддержки курса КПСС, которая оставляет за собой монопольное право на политическое волеизъявление всего общества. Но брошенный сверху призыв, чтобы в выборах делегатов принимали участие также и беспартийные, превзошел все ожидания советского руководства, показав беспрецедентную в отечественной истории степень политизации населения. Вместо предполагаемой "поддержки" возникло мощное внепартийное движение, образно охарактеризованное Е.Евтушенко "партией беспартийных".

Миф под названием "Перестройка", ставший фактом общественного сознания, но так и не сделавшись реальным фактом общественного бытия, был на полном серьезе воспринят "снизу". Наиболее реальное, что дала перестройка — не экономические и не политические реформы, а необычайный психологический эффект, который по своей силе превосходит резонанс потрясенного общественного сознания после XX съезда КПСС. Начав с вполне лояльных лозунгов ~~способствовать~~ ^{способствовать} перестройке", проводимой Горбачевым, но скоро убедившись в том, что слова Генерального секретаря часто расходятся с тем, что происходит в действительности, многие общественно-политические организации /в частности, Народный Фронт/ вышли за рамки своей первоначальной программы. В сущности, речь зашла ~~о~~ об альтернативном варианте перестройки, идея которого открыто провозглашалась лишь Демократическим Союзом, за полтора месяца до партконференции КПСС объявившим себя оппозиционной политической партией. Слово "ГОРБАЧЕВ" стало еще одним мифом общественного сознания; народ так долго ожидал новое поколение советских руководителей, что связывал с Горбачевым больше надежд, чем столько, сколько Горбачев хочет или может осуществить реально. Кто в действительности скрывается за этим именем? — этот вопрос волнует всех мыслящих

людей, которые слышат одно, а видят совсем другое. Отсюда можно понять психологический механизм возникновения в общественном сознании мифа о том, что в высшем эшелоне власти существуют фундаментальные разногласия. Не желая связывать с именем Горбачева все негативное, что происходит во время перестройки, большинство людей склонны верить в то, что в Политбюро действуют "темные силы", которые мешают горбачевским намерениям. Наиболее трезвое объяснение этого феномена, однако, состоит в том, что ~~к~~ "наверху" существует своеобразное "разделение труда" между "либералами" и "консерваторами", и мы имеем дело не с реальными фундаментальными разногласиями, а скорее с тонкой игрой в противоборство.

Но что не вызывает сомнений в искренности, — так это "ельцинский синдром". Опала Бориса Ельцина сначала на Октябрьском Пленуме ЦК КПСС 1987 года, затем на XIX партконференции стала убедительным свидетельством того, что существует не только "правая", но и "левая" оппозиция Горбачеву, даже если в действительности эта оппозиция не имеет такое существенное значение, которое ей придавали "внизу". Ельцин стал жертвой того, что он воспринял произносимые со всех трибун слова всерьез и тем самым нарушил основное правило игры в политике: говорить — одно, делать — другое.

.....

После попыток развернуть в стране радикальную экономическую реформу без кардинального изменения политической системы и натолкнувшись на сопротивление бюрократической номенклатуры /в большей части — пассивное, иногда — в виде активного контрнаступления/, перед Горбачевым встала задача начать перемены также и в политической области, не дожидаясь того времени, когда пробуждающейся в стране оппозицией будет предложен альтернативный и гораздо более радикальный вариант политических реформ. В то же время провозглашенная Горбачевым политика гласности и перестройки требовала своего идеологического оформления. Мощная критика сталинизма^{х)}, ведущаяся на страницах либеральных советских изданий, недвусмысленно воспринималась как покушение на основы социализма. Необходимо было

^{х)} Еще в 1985 году, отвечая на вопросы "Юманите", Горбачев говорил, что считает термин "сталинизм" выдуманным врагами социализма.

четко определить рамки "социалистического плюрализма", вне которых дискуссии переставали бы быть дискуссиями и становились бы преступлением, формулируемым ст.70 УК РСФСР.

Радикализация перестройки до такой степени, когда бы возник еще один ее эпицентр—снизу, превращение перестройки в мощный САМОРАЗВИВАЮЩИЙСЯ ПРОЦЕСС, который причину движения имел бы внутри себя, а не вытекал бы из априорно заданных установок партии, отбрасывание первоначальных концепций реформ в процессе постоянной коррекции их с участием народа, т.е. т.н. "перестройка самой перестройки", — все это отнюдь не входило в планы партийного руководства, которое реформу общества хотело оставить своей прерогативой. Не допустить структурных идеологических изменений, остаться в рамках "ленинских традиций" и "социалистического плюрализма" в критике советской истории и в попытках найти оптимальный вариант будущего, — таковы были задачи XIX партконференции, намеченные уже в Тезисах ЦК КПСС и во многом предопределившие ее исход задолго до начала. Партконференция практически стала внеочередным Съездом КПСС, и в структурно—организационном отношении мало чем отличалась от Съезда, где порядок и содержание прений как правило бывают определены с самого начала.

В то время, когда "Огонек" публиковал разоблачительные материалы на ряд делегатов, в то время, когда на Пушкинской площади собирали подписи за избрание делегатами Коротича, Афанасьева и Корякина, в то время, когда в Ярославле собиравшийся на митинг народ протестовал против избрания делегатом бывшего первого секретаря обкома Ф.Лощенкова, — в это самое время в Кремле уже разрабатывался сценарий, с помощью которого заранее заданные установки должны были стать решениями конференции. От миллионной теле аудитории, которая смотрела в эти дни репортаж из Кремлевского Дворца Съездов, не могла ускользнуть плохо скрываемое стремление Генерального секретаря сказать в прениях последнее слово. Когда же через пять минут после немыслимого избиения Ельцина, осуществленного с благословения Хозяина местными московскими номенклатурными шестерками, Горбачев поднялся на трибуну и произнес: "Все мы

хорошо поработали в эти дни в дружеской товарищеской атмосфере", — мне кажется, у всех телевизоров Советского Союза воцарило гробовое молчание. Страшно не столько то, что в большой политике происходят нехорошие вещи, — сколько то, что при этом делают хорошую мину.

Аналогично воспринимается и предложение Горбачева о совмещении постов председателей Советов и первых секретарей партийных комитетов. ^{х)}

Зло редко когда выступает под своим именем. И в сталинские, и в брежневские времена антидемократические постановления и указы проводились под вывеской "развития социалистической демократии". Номенклатура начала свое контрнаступление: через полтора месяца после завершения XIX партконференции Президиум Верховного Совета СССР принял Указы 504 и 505, по сути легитимирующие возможность введения в любую минуту в стране военного положения. 21 августа кончилась надоевшая всем неопределенная игра властей в кошки-мышки с несанкционированными демонстрациями: Демократический Союз стал лакмусовой бумажкой для всех неформальных объединений — наступили новые времена.

х) Правда, существуют более позитивные объяснения этого шокирующего пункта Доклада Горбачева на конференции. По мнению живущего в США издателя В.Челидзе, совмещение постов первых секретарей партийных комитетов и председателей Советов — единственно оптимальный вариант поставить под контроль партийный аппарат в условиях однопартийной системы. По мнению В.Челидзе, в этом случае партаппарат фактически "растворяется" в местных органах власти, поскольку вместо автоматического назначения на пост председателей исполкомов Советов партруководителей, что практиковалось до сих пор, будет происходить процесс выборов. Мне, однако, это объяснение не кажется убедительным, хотя можно согласиться с тем, что попытки демократизации в условиях однопартийной системы ведут иногда к парадоксальным предложениям, которые не стоит воспринимать всегда однозначно и тривиально.

Но XIX партконференция все-таки не стала тем спектаклем, который из нее явно хотели сделать. Поражает невиданное для советской официальной политики различие во мнениях, и та откровенность, с которой эти мнения высказывались. Один зарубежный корреспондент сравнил то, что происходило в это время во Дворце Съездов, с работой английского парламента. Несмотря на отсутствие прямой телевизионной трансляции откровенность выступлений, реакции зала, аплодисменты или, напротив, гробовое молчание, выглядели беспрецедентно. По меткому замечанию А. Арбатова, сейчас внутри КПСС больше различий, чем между республиканской и демократическими партиями в США. Это — парадокс однопартийной системы, где брожение и дифференциация в критические моменты достигает такой точки кипения, которая может превзойти нормальную температуру работы многопартийной системы.

Простое проецирование на тоталитарную страну того, что общепринято во всем цивилизованном мире не имеет смысла. Реальный эффект т.н. "малой политики" /то есть "политики общественности", политики таких оппозиционных структур, как Демократический Союз, например/, под прессом тоталитаризма, в государстве, в котором, в сущности никогда не было гражданского общества как некоей самоости, способной отличать себя от правительства и противопоставлять ему, в обществе, где демократическое движение всегда оставалось вне социума, являясь преимущественно прерогативой интеллигенции, — весьма сомнителен. Это ни в коей мере не ставит под сомнение благородный порыв тех, кто в таких условиях стремится сделать невозможное, — однако, реальная политика есть искусство возможного, и необходимо четко представлять себе действительность, в которой мы живем. Объявивший себя оппозиционной политической партией Демократический СОЮЗ таковым является на самом деле лишь КАК ФАКТ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ, но не как факт общественного бытия. Насколько реальны возможности стать со временем реальной общественно-политической структурой, — вопрос сложный. Заниматься простой констатацией того, что мы имеем сейчас, вне выявления сущности явлений и тенденций их развития, — неблагоприятное занятие.

Если оставить за скобками "малую политику", то в большой

политике, которая по-прежнему остается прерогативой КПСС, мы имеем дело с процессами, которые необходимо признавать за реальность. И несмотря на то, что борьба внутри правящей партийно-государственной номенклатуры представляет собой "ограниченный плюрализм", который не будучи закрепленный институционально, может в любую минуту исчезнуть, не учитывать этот факт нельзя. Фактом, который необходимо признать, является и то, что общество начинает политизироваться отнюдь не с выдвижения требований о многопартийной системе, — это долгий и постепенный процесс. Объективно, конечно, развитие политизации населения рано или поздно выходит за рамки первоначальных концепций "способствования перестройке" и приходит к тем принципам, которые формулирует Демократический Союз. Однако, не только политизирующееся гражданское общество должно идти навстречу диссидентам, но и диссиденты должны идти навстречу социуму. Оптимальный вариант заключается в том, чтобы сохранив необходимые демократические принципы, можно было бы воплотить их в действительность, либо, по крайней мере, создать такие условия, в которых это воплощение стало бы возможным через десятилетия. Но трагедия возможна не только в том, что будут реализованы недостаточно радикальные требования /минимальный вариант/, но и в том, что теоретически верные демократические требования опять останутся вне советского социума /максимальный вариант/.

.....

Вернемся к "большой политике".

Существует ошибочное, на мой взгляд, мнение, будто основная проблема перестройки сейчас состоит в том, что Горбачева могут снять также, как Хрущева, и все опять вернется на круги своя, как в 1964 году. Думаю, это не совсем точно отражает диалектику общественно-политического развития в данный момент. В истории прослеживаются параллели, но очень редко, когда история повторяется в виде копии. Очень часто рассуждая о том, что в любой момент может начаться едва ли не сталинский террор, мы продолжаем мыслить старыми категориями. В сущности, режим никогда не возвращается к дискредитировавшим себя формам, — он постоянно находит новые, более уточненные, "циви-

лизированные" формы, оставаясь неизменной в то же время в своей основе. Именно этим удивительным обстоятельством советский тоталитаризм отличается от фашистского тоталитарного государства, которое, не будь оно раздавлено в войне, рухнуло бы под собственной тяжестью, как допотопный динозавр. И, наверное, именно этим можно объяснить тот поразительный факт, что будучи экономически, социально и духовно обанкротившейся системой, советская однопартийная система является едва ли не самой стабильной в мире.

Сегодняшняя "оттепель" /а в том, что это именно оттепель, увы, нет сомнений: реформы, проводимые только "сверху", не могут быть ни достаточно радикальными, ни достаточно долговременными/ отличается от "оттепели" 60-х годов прежде всего по уровню общественного самосознания, по попыткам пробуждающегося гражданского общества политизироваться в неправительственные структуры. х)

Попытку консолидации антиперестроечных сил, ознаменованную нашумевшим Манифестом "Нины Андреевой", можно сравнить с тем, что произошло в 1957 году, когда против Хрущева выступила т.н. антипартийная группа Молотова, Кагановича и Маленкова. Попытка "чистой ресталинизации" тогда была несостоятельна, точно также теперь не состоятельна попытка "чистой ребрежневизации". Основная опасность исходит не от тех, кто стремится к точной реставрации вчерашнего или позавчерашнего дня, а от т.н. консервативного реформизма. Консервативным ~~реформизмом~~ реформатором, отнюдь не сталинистом, был Брежнев. Сущность консервативного реформизма состоит не столько в том, что это слишком медленный или половинчатый путь проведения реформ, сколько в том, что такой путь реформ всегда осуществляется в рамках определенных советских традиций и ценностей, и будет моментально прекращен, как только возникнет опасность для этих ценностей.

х) Родившись в 1966 году, я, естественно, не имею непосредственного опыта для того, чтобы сравнивать атмосферу 60-х с атмосферой 80-х. Я слышал рассказы о том, что в 50-60-е годы незнакомые люди на улицах обнимались и целовались, — такой атмосферы нет сейчас.

Ленинизм — этот миф пережил все мифы. Мало того, что исторически "ленинский путь" никогда не представлял из себя нечто целостное, — за 60 лет после Ленина понятие "ленинский" бесчисленное число раз эксплуатировалось официальной пропагандой до такой степени, что иногда спрашиваешь себя: а был ли реальный Ленин, и если был, то каким он был на самом деле? "Даже если бы его не было, его стоило бы выдумать", — эта вольтеровская формула, увы, применима и здесь. Добавлю только от себя: даже если бы Ленин был честнейшим человеком, его стоило бы низвергнуть только за то, что его портрет висел во всех кабинетах НКВД и КГБ. Увы, через 70 лет после начала этого Эксперимента спор идет во многом на понятия: с конкретными терминами /социализм, коммунизм/ и конкретными именами ассоциируются абсолютно конкретные трагедии. Возвышенный смысл, влагавшийся в них, растворился в море крови. Эти понятия перестают быть исторически самодостаточными, они теряют право на существование.

Насколько допустимо вести критику сталинизма с позиции ленинизма, то есть традиции, ставшей вольной или невольной фундаментальной предпосылкой для возникновения развитого сталинского тоталитаризма? Вопрос об ИСТОКАХ нашей национальной трагедии — это вопрос куда более важный сейчас, чем простая констатация сталинизма как зла, оставляющая за скобками вопрос, ЧТО породило самого Сталина. Попытку найти духовную и идеологическую базу сегодняшней перестройке в ленинском фундаментализме заставляет серьезно задуматься о том, насколько допустимо одни мифы развенчивать с помощью создания других мифов. В попытке разобраться в истоках кризиса настоящего мы ищем свою ТОЧКУ ВОЗВРАТА в прошлом — тот рубеж, когда исторический процесс был реально многовариантным. Какой это год? 1985, 1964, 1953, 1929, 1917? И существует ли она вообще — эта "точка возврата"?

.....

Стабильность советской системы, как уже отмечалось, заключается не только в ее существовании, но и в ее способности эволюционировать. Вне этой ее способности кардинальная ломка системы была бы почти неизбежной. Основной вопрос заключается в том, сможет ли реализоваться предлагаемый едва организовавшейся оппозицией АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ВАРИАНТ ПЕРЕСТРОЙКИ, или опять сработает

привычный механизм затяжных и половинчатых реформ, когда не производя фундаментальных изменений создается видимость обновления общества, в то время как оппозиционные варианты переустройства общества остаются в архивах госбезопасности и в подшивках западных газет.

"Время-покажет", — эта поговорка слишком тривиальна для нашего удивительного времени, когда события несутся со стремительной скоростью. ПОЛИТИКА — ЭТО СЕКУНДА ИСТОРИИ. Мы присутствуем поистине при уникальном живом моменте Истории, когда мы перестаем уже просто существовать во времени, — мы получили редкий шанс самим это Время генерировать. Время, которое потом станет ~~Историей~~ Историей.

.....